

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

Василий Андреевич
ЖУКОВСКИЙ

БАСНИ

im WERDEN-VERLAG
MOCKBA - AUGSBURG 2001

Василий Андреевич Жуковский (1783-1852) начал печататься еще будучи воспитанником Московского благородного пансиона. Однако серьезные поиски собственного пути в поэзии, которые поставили его во главе ранних русских романтиков, начались лишь в первые годы XIX в. В это время сильно расширяются литературные знакомства Жуковского. Кроме сверстников из «Дружеского литературного общества» братьев Тургеневых он знакомится с широким кругом сторонников Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, изучает русских и западных образцовых авторов. В 1808 г. он начинает редактировать «Вестник Европы», журнал, основанный Карамзиным и еще сохранявший направление, данное основателем. Именно к этому времени относится короткая, но очень интенсивная и производительная работа Жуковского по переложению басен Лафонтена и Флориана, которые до того времени не переводились на русский язык. Очевидно, эти переводы имеют отношение к сохранившемуся в бумагах Жуковского за 1804 г. плану самообразования, в котором перечислены имена одиннадцати немецких и французских баснописцев, сочинения которых он собирался штудировать. В «Вестнике Европы» была напечатана только часть переведенных басен; известно также некоторое количество незавершенных рукописных заготовок. Попытки Жуковского появились в печати параллельно с журнальными публикациями первой книги басен Крылова. На выход отдельного сборника басен Крылова Жуковский откликнулся серьезной рецензией-разбором, в которой впервые поставил рядом Крылова и Дмитриева как крупнейших современных баснописцев. Сам он после этого не только не возвращался к басням, но даже не включал их в сборники своих стихотворений, предав полному забвению. Исключение составляет лишь «Сон Могольца», по-видимому из-за блестяще разработанной концовки, созвучной элегическому творчеству поэта. Выступая в роли баснописца, Жуковский в целом ориентировался на Дмитриева, к которому в эти годы относился с большим пиететом. Характерно, однако, что он в меньшей степени, чем Дмитриев, чурается просторечия и словесной игры. Это иногда придает рассказу комический оттенок. В этом проявился восхищавший друзей поэта юмористический дар, сделавший Жуковского признанным мастером составления пародийной «арзамасской галиматши». По преданию, именно Жуковский (он «отпевал» Хвостова в одном из заседаний «Арзамаса») обратил внимание арзамасцев на «Притчи» Д. И. Хвостова в издании 1802 г. и был вдохновителем пародий П. А. Вяземского на них. О Жуковском-поэте см. также в кн.: В. А. Жуковский, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1956.

© „Im-Werden-Verlag“, 2001

© Подготовка текста и примечания В.П. Степанова и Н. Л. Степанова;

биографическая справка В.П. Степанова,

«Русская басня XVIII-XIX веков», Большая серия Библиотеки поэта, Л., 1977

<http://www.imwerden.de>

info@imwerden.de

1. МАРТЫШКА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ КИТАЙСКИЕ ТЕНИ

Творцы и прозой и стихами,
Которых громкий слог пугает весь Парнас,
Которые понять себя не властны сами,
Поймите мой рассказ!
Один фигляр в Москве показывал мартышку
С волшебным фонарем. На картах ли гадать,
Взбираться ль по шнуру на крышку,
Или кувыркаться и вприсядку плясать
По гибкому канату,
Иль спичкой выпрямься, под шляпою с пером,
На задни лапки став, ружьем,
Как должно прусскому солдату,
Метать по слову артикул:
Потап всему горазд.
Не зверь, а утешенье!
Однажды в воскресенье
Хозяин, подкурив, на улице заснул.
Потапке торжество: «Уж то-то погуляю!
И я штукарь! И я, народ как тешить, знаю!»
Бежит, зовет гостей:
Индюшек, поросят, собак, котят, гусей!
Сошлись. «Сюда! Сюда! Скорей скамьи, подушки
В закуту господам!
Добро пожаловать; у входа ни полушки,
Из чести игрище!» Уж гости по местам,
Приносится фонарь, все окна затворились,
И свечи потушились.
Потап в суконном колпаке,
С указкою в руке,
С жеманной харею, явился пред собором;
Пренизкий всем поклон;
Потом с кадушки речь, как Цицерон:
Заставил всех зевать и хлопать целым хором!
Довольный похвалой,
С картинкою стекло тотчас в фонарь вставляет!
«Смотрите: вот луна, вот солнце! — возглашает. —
Вот с Евою Адам, скоты, ковчег и Ной!
Вот славный царь Горох с Морковкою царицей!
Вот журка-долгонос обедает с лисицей!
Вот небо, вот земля... Что? видно ли?» Глядят —
Моргают, морщатся, кряхтят!
Напрасно! Нет следа великолепной сцены!
«По чести, — кот шепнул, — кудрявых много слов!
Но, Бог с ним, где он взял царей, цариц, скотов?
Зги Божьей не видать! Одни в потемках стены!»
— «Темно, соседушка, скажу и я, —

— Примолвила свинья. —
Мне видится! Вот!.. Вот!..
Я, правда, близорука,
Но что-то хорошо! Ой, старость! То-то скука!
Уж было бы о чем с детьми поговорить!»
Индейка крикала, хлоп-хлоп сквозь сон глазами.
А наш Потап? Кричит, гремит, стучит ногами!
Одно лишь позабыл: фонарь свой осветить!

11 октября 1806

2. СОН МОГОЛЬЦА

Однажды доброму могольцу снился сон:
Уж подлинно чудесный:
Вдруг видит, будто он
Какой-то силой неизвестной
В обитель вознесен всевышнего Царя
И там — подумайте! — находит визиря.
Потом открылася пред ним и пропасть ада.
Кого ж, прошу сказать, узнал он в адской мгле?
Дервиша... да, дервиш, служитель Орозмада
В котле
В клокочущей смоле
На ужин дьяволам варился.
Моголец в страхе пробудился,
Скорей бежать за колдуном,
Поклоны в пояс, бьет челом:
«Отец мой, изъясни чудесное виденье».
— «Твой сон есть Божий глас, — колдун ему в ответ.
Визирь в раю за то, что в области сует,
Средь пышного двора, любил уединенье.
Дервишу ж поделом: не будь он суесвят,
Не ползай перед тем, кто силен и богат,
Не суйся к визирям ходить на поклоненье».
Когда б, не бывши колдуном,
И я прибавить мог к словам его два слова,
Тогда смиренно вас молил бы об одном:
Друзья! любите сень родительского крова;
Где ж счастье, как не здесь, на лоне тишины,
С забвением сует, с беспечностью свободы?
О, блага чистые, о, сладкий дар природы!
Где вы, мои поля? Где ты, любовь весны?
Страна, где я расцвел в тени уединенья,
Где сладость тайная во грудь мою лилась,
О рощи, о друзья, когда увижу вас?
Когда, покинув свет, опять без принужденья
Вкушать мне вашу сень, ваш сумрак и покой?
О! кто мне возвратит родимые долины?
Когда и Феб и дочери Мнемозины

Придут под тихий кров беседовать со мной?
При них мои часы весельем окрыленны,
Тогда постигну ход таинственных небес
И выпренных светил стези неоткровенны.
Когда же мой удел — познание сих чудес,
Пусть буду напоен лесов очарованьем,
Пусть пленаюся источников журчаньем,
Пусть буду воспевать их блеск и тихий ток!
Нить для меня совется не из золота,
Мой низок будет кров, постеля не богата,
Но меньше ль бедных сон и сладок и глубок?
И меньше ль он души невинной услажденье?
Ему преобращу мою пустыню в храм.
Придет ли час отбыть к неведомым брегам —
Мой век был тихий день, а смерть — успокоенье.

23 октября 1806

3. СТАРЫЙ КОТ И МОЛОДОЙ МЫШОНОК

Один-неопытный мышонок
У старого кота под лапою пищал
И так его в слезах на жалость преклонял:
«Помилуй, дедушка! Ведь я еще ребенок!
Как можно крошечке такой, как я,
Твоим домашним быть в отягощенье?
Твоя хозяйюшка и вся ее семья
Придут ли от меня, малютки, в разоренье?
И в чем же мой обед? Зерно, а много два!
Орех мне — на неделю!
К тому ж теперь я худ! Едва, едва
Могу дышать! Вчера оставил лишь постелю;
Был болен! Потерпи! Пусти меня пожить!
Пусть деточки твои меня изволят скушать!»
— «Молчи, молокосос! Тебе ль меня учить?
И мне ли, старику, таких рассказов слушать!
Я — кот, и стар, мой друг! прощенья не жди,
А лучше без хлопот поди
К Плутону, милости его отведай!
Моим же деточкам всегда есть что обедать!»
Сказал, мышонка — цап! Тот пискнул и пропал.
А кот, покушавши, ни в чем как не бывал!
Ужель рассказ без поученья?
Никак, читатель, есть!
Всем юность льстит себя! Всё мыслит приобрести!
А старость никогда не знает сожаленья!

26 октября 1806

4. КАПЛУН И СОКОЛ

Приветы иногда злых умыслов прикраса.
Один
Московский гражданин,
Пришлец из Арзамаса,
Матюшка-долгохвост, по промыслу каплун,
На кухню должен был явиться
И там на очаге с кухмистером судиться.
Вся дворня взбегалась: цыпь-цыпь, цыпь-цыпь!
Шалун
Проворно,
Смекнувши, что беда,
Давай Бог ноги! «Господа,
Слуга покорный!
По мне хотя весь день извольте горло драть,
Меня вам не прельстить учтивыми словами!
Теперь «цыпь-цыпь!», а там меня щипать
Да в печку! Да, сморчками
Набивши брюхо мне, на стол меня! А там
И поминай как звали!»
Тут сокол-крутонос, которого считали
По всей округности примером всем бойцам,
Который на жерди, со спесью соколиной
Раздувши зоб, сидел
И с смехом на гоньбу глядел,
Сказал: «Дурак каплун! с такой, как ты, скотиной
Из силы выбился честной народ!
Тебя зовут, а ты, урод,
И нос отворотил, оглох, ко всем спиною!
Смотри, пожалуй! Я тебе ль чета? Но так
Не горд! Лечу на свист! Глухарь, дурак!
Постой! Хозяин ждет! Вся дворня за тобою!»
Каплун, кряхтя, пыхтя, советнику в ответ:
«Князь-сокол, я не глух! Меня хозяин ждет?
Но знать хочу, зачем? А этот твой приятель,
Который в фартуке, как вор с ножом,
Так чванится своим узорным колпаком, —
Конечно, каплунов усердный почитатель, —
Прогневался, что я не падок к их словам!
Но если б соколам,
Как нашей братье, каплунам,
На кухне заглянуть случилось
В горшок, где б в кипятке их княжество варилось,
Тогда хозяйский свист и их бы не провел,
Тогда б, как скот каплун, черкнул и князь сокол!»

27 октября 1806

5. РАССТРОЙКА СЕМЕЙСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

Жил муж в согласии с женой,
И в доме их ничто любви не нарушало;
Ребенок, моська, кот, сурок и чиж ручной
В таком ладу, какого не бывало
И в самом Ноевом ковчеге никогда!
Но вот беда!
Случился праздник, муж хлебнул — и в спор с женою!
Чем кончилось? Он дал возлюбленной толчка!
Жена — сечь сына, сын — бить моську, моська с бою —
Душить и мять кота, кот лапкою — сурка,
Сурок перекусил чижу с досады шею!
Нередко целый край один глупец смущал!
Нередко без вины бессильный погибал
Во мзду могучему злодею!

<1808>

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Вестник Европы», 1807, ч. 32, № 5, с. 41. На сюжет басни Флориана «Le singe qui montre la lanterne magique». *Творцы и прозой и стихами* — эпигоны высокой одической поэзии XVIII в., против которых выступали карамзинисты. *Царь Горох с Морковкою царицей* — персонажи лубочных картинок. *Журка-долгонос обедает с Лисицей* — картинка на сюжет басни «Лисица и Журавль».

2. «Вестник Европы», 1807, ч. 32, с. 192. Печ. по Стих., т. 1, СПб., 1849, с. 16. На сюжет басни Лафонтена «Le songe d'un habitant du Mogol».

3. «Вестник Европы», 1807, ч. 35, № 19, с. 185. На сюжет басни Лафонтена «Le vieux chat et la jeune souris».

4. «Вестник Европы», 1807, ч. 34, № 15, с. 176. На сюжет басни Лафонтена «Le faucon et le charon». *Пришлец из Арзамаса*. Город Арзамас славился домашней птицей, которою снабжал Москву. Когда в 1814 г. возникло литературное общество «Арзамас» (одним из организаторов его был Жуковский), «арзамасский гусь» стал шутовым символом Общества.

5. «Вестник Европы», 1808, ч. 41, с. 49.

6. «Вестник Европы», 1808, ч. 41, с. 187.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биография из энциклопедии Брокгауза-Эфрона

Жуковский Василий Андреевич — знаменитый поэт. Родился 29 января 1783 г., в селе Мишенском, в 3 верстах от города Белева, Тульской губернии. Отцом его был помещик Аф. Ив. Бунин, матерью — пленная турецкая девушка. От воспитанника своего, бедного дворянина Андрея Григорьевича Жуковского, друга Буниных, новорожденный получил свое отчество и фамилию. Как раз перед его рождением в семье Бунина из одиннадцати детей в короткое время умерло шестеро, и в том числе единственный сын, студент Лейпцигского университета. Жена Бунина, Мария Григорьевна, в память об умершем сыне, решила взять в свою семью новорожденного ребенка и воспитать его как родного сына. Когда ему было 11 лет, его исключили из тульского народного училища „за неспособность“. После этого он жил в Туле, в семье своей крестной матери Юшковой, одной из дочерей Бунина. Общество маленького Жуковского теперь составили исключительно девочки, что способствовало еще большему развитию природной мягкости его характера. Дом Юшковой был центром умственной жизни города. Вокруг образованной и любезной хозяйки составилась целый кружок лиц, всецело преданных литературным и музыкальным интересам. 14-ти лет Жуковский поступил в московский благородный университетский пансион и учился в нем четыре года. Обширных познаний пансион не давал, но ученики, под руководством преподавателей, нередко собирались читать свои литературные опыты. Лучшие из этих опытов немедленно печатались в периодических изданиях. На втором году пребывания Жуковского в пансионе среди товарищей его, в числе которых были Блудов, Дашков, Уваров, Александр и Андрей Тургеневы, возникло даже особое литературное общество — Собрание, с официально утвержденным уставом. Первым председателем его был Жуковский. В печати Жуковский дебютирует „Мыслями при гробнице“ (1797), написанными под впечатлением известия о смерти В.А. Юшковой. „Живо почувствовал я, — говорит 14-летний автор, — ничтожность всего подлунного; вселенная представилась мне гробом. Смерть! Лютая смерть! Когда утомится рука твоя, когда притупится лезвие страшной косы твоей?...“ С 1797 по 1801 г. Жуковским напечатаны: „Майское утро“ (1797), „Добродетель“ (1798), „Мир“ (1800), „К Тибуллу“ (1800), „К человеку“ (1801) и многое другое. Во всем этом преобладает меланхолическая нота. Юношу поражает непрочность жизни, быстротечность всего земного; жизнь кажется ему бездной слез и страданий. „Счастлив, — говорит он, — тот, кто, достигнув мирного берега, вечным спит сном...“ Меланхолическое настроение Жуковского зависело, прежде всего, от литературных вкусов времени. Первые произведения Жуковского явились в то время, когда русских читателей приводила в восторг „Бедная Лиза“ Карамзина (1792) и ее бесчисленные подражания. Но модой объяснялось не все. Обстоятельства, сопровождавшие рождение Жуковского, не были забыты ни им самим, ни другими. „Положение его в свете, — говорит один из друзей поэта, — и отношения к семейству Буниных тяжело ложилось на его душу“. В 24 года поэт с грустью вспоминает о прошедшем: „К младенчеству ль душа прискорбная летит“, — говорит он в „Послании к Филалету“ (1807):

Считаю ль радости минувшего — как мало!
Нет! счастье к бытию меня не приучало;
Мой юношеский цвет без запаха отцвел!..

В своей матери поэту тяжело было видеть что-то среднее между госпожой и служанкой. Отца своего он почти совсем не знал и никогда не говорил о нем. Ко времени пребывания Жуковского в пансионе относится и первый перевод его романа Коцебу „Мальчик у ручья“ (Москва, 1801). По окончании курса в пансионе Жуковский начал было служить, но вскоре бросил службу и поселился на житье в Мишенском, с целью продолжать свое образование. Уезжая из Москвы, он захватил с собой целую библиотеку: большую французскую энциклопедию, множество французских, немецких и английских исторических сочинений, переводы греческих и латинских классиков, полные издания Шиллера, Гердера, Лессинга и др. Повесть „Вадим Новгородский“, написанная и напечатанная в 1803 г., показывает, что около этого времени он занимается изучением древнерусской истории. За все время своей деревенской жизни (1802-08) он печатает очень мало. В 1802 г., в „Вестнике Европы“, было помещено им „Сельское кладбище“ — перевод или скорее переделка из Грея. Стихотворение обратило на себя всеобщее внимание. Простота его была откровением в эпоху еще непоколебленного высокопарного псевдоклассицизма. Около того же времени Жуковский, в подражание „Бедной Лизе“, пишет повесть „Марьяна Роща“. В 1806 г. он отозвался на патриотическое настроение общества „Песнью барда над гробом славян-победителей“. В 1808 г. явилась его „Людмила“, переделка „Леноры“ Бюргера. С этой балладой в русскую литературу входило новое, совершенно особое содержание — романтизм. Жуковского захватило стремление в даль средних веков, в давно исчезнувший мир сказаний и преданий. Успех „Людмилы“ воодушевил Жуковского. Переводы и переделки непрерывно следуют теперь одни за другими. Лучшие его переводы — из Шиллера. Из оригинальных поэтических произведений Жуковского к этому времени относится „Громобой“, первая часть большой поэмы „Двенадцать спящих дев“, а также несколько прозаических статей, например: „Кто истинно добрый и счастливый человек?“, „Три сестры“, „Писатель в обществе“. Редактирование журнала „Вестник Европы“, заставившее его переехать в

Москву, продолжалось два года (1809 и 1810), сначала единолично, потом вместе с профессором Каченовским, к которому журнал и перешел окончательно. Затем Жуковский вернулся в деревню и здесь пережил тяжелую сердечную драму. Уже за несколько лет до того начались педагогические занятия Жуковского с его племянницами, двумя дочерьми Екатерины Афанасьевны Протасовой (младшей дочери Аф. Ив. Бунина), незадолго перед тем овдовевшей и поселившейся в Белеве. Поэт страстно полюбил свою старшую ученицу, Марию Протасову. Мечты о взаимной любви и счастье семейной жизни становятся любимыми мотивами его поэзии. „Тесные связи родства усиливали чувство всей близостью родственной привязанности — и в то же время эти самые связи делали любовь невозможной в глазах людей, от которых зависело решение вопроса“. Поэту приходилось скрывать свою любовь; она находила выход только в поэтических излияниях, не мешая, впрочем, научным его занятиям. От 1810 г. до нас дошло письмо Жуковского к А.И. Тургеневу, показывающее, что поэт продолжал серьезно работать над своим самообразованием. С особенным усердием он занимается теперь изучением истории, всеобщей и русской, и приобретает в ней знания серьезные и основательные. В 1812 г. Жуковский решился просить у Е.А. Протасовой руки старшей дочери, но получил решительный отказ, мотивированный родственными отношениями. Вскоре после того Жуковский уехал в Москву и поступил в ополчение. В лагере под Тарутином он написал „Певца во стане русских воинов“, сразу доставившего ему несравненно большую известность, чем вся предшествовавшая его поэтическая деятельность. В тысячах списков оно разошлось в армии и в России. К 1812 г. относится и баллада „Светлана“, — несмотря на свое чисто русское вступление, тоже разрабатывающая основные мотивы Бюргеровской „Леноры“. В конце 1812 г. Жуковский заболел тифом и в январе 1813 г. вышел в отставку. По возвращении в деревню он еще раз пытался смягчить сердце Е.А. Протасовой, но напрасно. Между тем, Мария Протасова, по-видимому, разделяла чувства Жуковского. Суровые отказы матери сильно на нее действовали и отражались на ее здоровье, и без того довольно слабом. Еще больше, как видно из его дневника, страдал Жуковский. Скоро, однако, его любовь начинает принимать характер какого-то мистического поклонения. Позднее, в борьбе с препятствиями, которых поэт не мог, да и не желал разрушить насильственно, любовь его становится все более и более платонической. „Разве мы с Машей, — пишет он в 1814 г., — не на одной земле?.. Разве не можем друг для друга жить и иметь всегда в виду друг друга? Один дом — один свет, одна кровля — одно небо. Не все ли равно?..“ „Послание императору Александру“, написанное Жуковским в 1814 г., навсегда решило его судьбу. Императрица Мария Федоровна выразила желание, чтобы поэт приехал в Петербург. Перед своим отъездом Жуковский, по-видимому, вполне уже примирившийся с своей судьбой (незадолго до того он еще раз говорил с Протасовой, и так же неуспешно), писал своему „другу Маше“: „Я никогда не забуду, что всем тем счастьем, какое имею в жизни, обязан тебе, что ты давала лучшие намерения, что все лучшее во мне было соединено с привязанностью к тебе, — что, наконец, тебе же я обязан самым прекрасным движением сердца, — которое решилось на жертвование тобой... В мыслях и чувствах постараюсь быть тебя достойным! Все в жизни — к прекрасному средство!..“ В 1817 г. Мария Протасова вышла за профессора Майера. Мечты любви — грустной, меланхолической — и позже продолжают звучать в поэзии Жуковского. С любовью Жуковского совершилось отчасти то же, что некогда произошло с любовью Данте: подобно тому, как Беатриче из флорентийской девушки мало-помалу превратилась в высокое олицетворение католической теологии, предмет любви Жуковского сделался для него символом всего высокого, идеального. После смерти Марии (1823) Жуковский пишет ее матери: „Ее могила — наш алтарь веры... Мысль о ней — религия... Теперь знаю, что такое смерть, но бессмертие стало понятнее. Жизнь не для счастья; жизнь — для души, и следственно Маша не потеряна. Кто возьмет ее у души? Ее здешней можно было увидеть глазами, можно было слышать, — но ее тамошней можно видеть душой, ее достойной“. „Скорбь о неизвестном, стремление вдале, любви тоска, томление разлуки“ остались существенными нотами поэзии Жуковского. Характер ее почти исключительно зависел от идеально-мистического настроения поэта, вызванного неосуществившимися мечтами о счастливой любви. Сантиментально-меланхолические литературные вкусы, развившиеся в нашем обществе к этому времени, как нельзя лучше пришлись к субъективному, личному чувству Жуковского. Внесением романтического содержания в свою поэзию он значительно расширил утвердившийся до него сентиментализм нашей литературы: но из содержания романтизма он брал только то, что отвечало его собственным идеально-мистическим стремлениям и мечтам. Поэзия его, будучи субъективной, в то же время служила общим интересам нашего умственного развития. Субъективизм Жуковского был важным шагом вперед на пути отрешения русской литературы от холода псевдоклассицизма. Он внес в русскую литературу малоизвестный ей дотоле мир внутренней жизни; он развивал идеи человечности и своим неподдельным, задушевым чувством возвышал нравственные требования и идеалы. Общий характер поэзии Жуковского вполне выразился к 1815-16 гг.: позднее его оригинальное творчество почти иссякает, и воздействие его на русскую литературу выражается почти исключительно в переводах, принадлежащих к крупнейшим фактам истории нашей литературы. Помимо высокого совершенства формы, мягкого, плавного и изящного стиха, они важны тем, что познакомили русского читателя с лучшими явлениями европейского литературного творчества. „Благодаря Жуковскому, — говорил Белинский, — немецкая поэзия — нам родная“. По тому времени это была высокая задача; перед русским читателем открывались совершенно новые, широкие горизонты. Годы 1817-41 обнимают собой период придворной жизни Жуковского, сначала в качестве воспитателя наследника престола, Александра Николаевича. К этому периоду относятся нередкие поездки Жуковского за границу, отчасти вследствие его служебных обязанностей, отчасти для лечения. Поэтические произведения его появляются теперь как бы случайно. Так, отправившись осенью 1820 г. в Германию

и Швейцарию, Жуковский в Берлине принимается за перевод „Орлеанской Девы“ Шиллера, который и оканчивает к концу 1821 г.; под живым впечатлением осмотра Шильонского замка он переводит (1822) „Шильонского узника“ Байрона. К тому же времени относятся переводы из Мура („Пери и Ангел“ и некоторые другие пьесы). Тяжелые утраты, понесенные поэтом в 1828-29 гг. — смерть императрицы Марии Федоровны и близкого друга, А.А. Воейковой, — вызывают перевод баллад Шиллера: „Поликратов перстень“ и „Жалоба Цереры“. Под влиянием Пушкина Жуковский пишет „Спящую царевну“, „Войну мышей и лягушек“ и „Сказку о царе Берендее“ (1831). Зимой 1832-33 г. Жуковский проводит на берегах Женевского озера. К этому времени относится целый ряд переводов из Уланда, Шиллера, Гердера, отрывков „Илиады“, а также продолжение перевода „Ундины“ Ла Мотт Фуке, начатого еще в 1817 г. и вполне оконченного лишь в 1836 г. В 1837 г. Жуковский объездил с наследником цесаревичем Россию и часть Сибири; годы 1838 — 39 Жуковский проводит с ним в путешествии по Западной Европе. В Риме он особенно сближается с Гоголем; обстоятельство это не осталось, по-видимому, без влияния на развитие мистического настроения в последнем периоде жизни Жуковского. Влияние, которое Жуковский оказал на цесаревича, было благотворным. Еще в 1817 г., приветствуя в послании к Александре Федоровне рождение своего будущего питомца, Жуковский выражал желание:

Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: человек!..

В этом истинно-гуманном направлении Жуковский и вел воспитание наследника. 21 апреля 1841 г., в Дюссельдорфе, состоялось бракосочетание 58-летнего поэта с 18-летней дочерью его давнишнего приятеля, живописца Рейтерна. Последние 12 лет жизни Жуковский провел в Германии, в кругу своих новых родных — сначала в Дюссельдорфе, позднее во Франкфурте-на-Майне, чуть не ежегодно собираясь побывать в России, но, по болезненному состоянию своей жены, так и не успев осуществить этого желания. К первому году брачной жизни Жуковского относятся сказки: „Об Иване-Царевиче и Сером волке“, „Кот в сапогах“ и „Тюльпанное дерево“. В начале 1842 г. он оканчивает перевод поэмы „Нал и Дамайанти“ (по немецким переводам Рюккерта и Боппа) и приступает к переводу „Одиссеи“. В печати первый том „Одиссеи“ вышел в 1848 г., второй — в 1849 г. Почти одновременно был окончен Жуковским и другой обширный труд — перевод „Рустема и Зораба“ (1848). Уже давно начата была им поэма, к созданию которой он подготовлял себя продолжительным и усердным чтением. Она называлась „Странствующий Жид“. Первая мысль о ней относится еще к 1831 г.; в конце 40-х гг. Жуковский написал первые 30 стихов и снова принялся за поэму лишь за год до своей смерти. Окончить поэму почти совершенно ослепшему поэту не пришлось. Он умер в Баден-Бадене 7 апреля 1852 г., оставив жену, сына и дочь. Тело его было перевезено в Петербург и с большими почестями предано земле на кладбище Александро-Невской лавры, подле Карамзина. В 1883 г. повсеместно в России праздновался столетний юбилей его рождения, а в 1887 г. в Петербурге, в Александровском саду, поставлен городской думой небольшой памятник-бюст его из бронзы. Жуковский любил рисовать виды, о чем свидетельствуют его швейцарские виды и „Шесть видов города Павловска“ (СПб., 1824; скопированы в книжке Шторха „Путеводитель по саду и по городу Павловску“). Литература о Жуковском весьма обширна; указываем лишь важнейшее. Лучшими, наиболее полными изданиями сочинений Жуковского до последнего времени оставались два издания, вышедшие под редакцией П.А. Ефремова как бы дополняющие одно другое; в первом (СПб., 1878, 6 томов) впервые были обнародованы письма Жуковского; во втором (СПб., 1885, 6 томов) — полнее исчерпана проза и дан ряд писем, не помещенных в предшествовавшем издании, но почему-то опущены почти все остальные письма, напечатанные в издании 1878 г. В издании, вышедшем в 1902 г. под редакцией профессора А.С. Архангельского (СПб., 1902, 12 томов; приложение к „Ниве“ за 1902 г.), вновь проверен по рукописям текст сочинений Жуковского, и помещено несколько новых литературных трудов его, до того времени оставшихся или совсем неизвестными, или известными очень мало, лишь по кратким упоминаниям. Об этом издании см. статью Якушина („Русские Ведомости“, 1902). Подлинные, дошедшие до нас, рукописи поэта обстоятельно описаны И.А. Бычковым в одном из „Отчетов“ Императорской Публичной Библиотеки (СПб., 1887). Им же, с многочисленными и весьма ценными примечаниями, издан сполна „Дневник“ Жуковского в „Русской Старине“, 1902-03 гг. (СПб., 1903), а также ряд писем и прозаических общественно-философских его отрывков, в приложениях к „Отчетам“ Императорской Публичной Библиотеки. Многочисленные письма Жуковского начинают появляться в печати тотчас после смерти поэта, — преимущественно в „Русском Архиве“, позднее в „Русской Старине“. Огромная часть этих писем вошла в состав изданий Ефремова, но многочисленные материалы этого рода продолжают появляться до последнего времени. Особенно важны собрание писем Жуковского к А.И. Тургеневу (в приложениях к „Русскому Архиву“, Москва, 1895), под редакцией И.А. Бычкова, и собрание писем к разным лицам, напечатанное им же позднее в „Русской Старине“ и др. Новые и чрезвычайно ценные материалы этого рода изданы: Н.К. Кульманом — в „Известиях II Отдела Академии Наук“ (1900, т. V; рукописи Жуковского, хранящиеся в библиотеке графов Бобринских), А.Е. Грузинским „Уткинский сборник. Письма В.А. Жуковского, М.А. Майер и Е.А. Протасовой“ (М., 1904), А.А. Фоминым, в академическом сборнике „Памяти Василия Андреевича Жуковского и Н.В. Гоголя“ (СПб., 1907), П.К. Симони („Письма-дневники Жуковского 1814-1815 гг.“, ib.), К.Я. Протом (в „Известиях II Отделения Академии Наук“, т. VI, и в названном сейчас сборнике). Из монографий и отдельных статей о Жуковском очень ценными до сих пор остаются старые

статьи Полевого в „Очерках русской литературы“ (СПб., 1839, т. I), по отзыву академика Веселовского — „лучшая историческая оценка из всех, явившихся при жизни поэта“, — известные статьи Белинского („Сочинения“, т. VIII) и биография, написанная Плетневым „Жизнь и сочинения В.А. Жуковского“ (СПб., 1853). Последняя имеет особую ценность потому, что Плетнев лично хорошо знал поэта, особенно в последний период его жизни. Очерк Плетнева в этом отношении является как бы дополнением к позднему биографическому труду Зейдлица, который особенно близко знал поэта в его юношеские годы. Из более ранних трудов собственно научного характера выдаются статьи Галахова („Отечественные Записки“, 1852, № 11; 1853, № 6 и 12), в значительной степени вошедшие позднее в его „Истории русской словесности“ (СПб., 1868, т. II); Шевырева („Москвитянин“, 1853, № 1; и отд., М., 1853; в конце приложен список сочинений Жуковского, напечатанных в разных повременных изданиях, составленный Н.С. Тихонравовым, в то время студентом университета); Лыжина „Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы“ („Летопись русской литературы и древности“, Тихонравова, Москва, 1859, т. I); Лонгинова „Материалы для полного издания сочинений Жуковского“ („Русский Архив“, 1864, № 5-6; 1866, № 11-12). Из позднейших трудов лучшей, наиболее полной и документальной биографией Жуковского является названная выше книга Зейдлица, бывшего в течение 40 лет одним из ближайших друзей поэта, — написанная „по неизданным источникам и личным воспоминаниям“: „Жизнь и поэзия В.А. Жуковского“ (первоначально напечатанная в сокращении, в „Журнале Министерства Народного Просвещения“, 1869, потом несколько полнее на немецком языке, Митава, 1870; в позднейшем издании, СПб., 1883, рукопись была вновь пересмотрена автором). „Неизданные источники“ — многочисленные письма самого поэта и друзей его, которыми, главным образом, пользуется автор. Обширное собрание этих писем, относящихся к ранним годам жизни поэта (по 1823 г.), тогда же изданы были Зейдлицем в „Русской Старине“ (1883). Позднейший труд, во многих отношениях дополняющий биографическое изложение Зейдлица, — книга академика А.Н. Веселовского „В.А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения“ (СПб., 1904). Другие, более ранние, ценные труды по изучению поэтической деятельности Жуковского: Пыпин, в „Характеристиках литературных мнений“ (СПб., 1873); П. Загарин (Лев Поливанов) „В.А. Жуковский и его произведения“ (М., 1883); Тихонравов „Сочинения“, т. III, часть I (М., 1898; обширная и чрезвычайно важная рецензия на книгу Загарина); Вс. Чешихин „Жуковский как переводчик Шиллера“ (Рига, 1895); С.П. Шестаков „Заметки к переводам Жуковского из немецких и английских поэтов“ (Казань, 1902); его же „Жуковский как переводчик Гомера“ (Казань, 1903); Е.В. Петухов „Памяти Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского“ (Юрьев, 1903); „Харьковский университетский сборник в память В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя“ (Харьков, 1903 — статьи Н.Ф. Сумцова и М.Е. Халанского); отдельные очерки и статьи А. Алферова, И.П. Созоновича; В.В. Каллаша, И.И. Замотина; капитальное исследование И.И. Резанова.

А. Архангельский